
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.25
ББК 67.408.022.25

А.В. Малько
*доктор юридических наук, профессор,
Саратовский филиал Института государства и права РАН,
г. Саратов, Российская Федерация*

В.А. Терехин
*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация*

С.Ф. Афанасьев
*доктор юридических наук, профессор,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация*

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НЕ ПОРА ЛИ НАКОНЕЦ ОПРЕДЕЛИТЬСЯ?*

Статья посвящена проблеме применения в Российской Федерации смертной казни, которая не исключена из уголовного законодательства как самостоятельный вид наказания, назначаемый по приговору суда за совершение особо тяжких преступлений. В сравнительно-правовом контексте показывается, как под влиянием общепризнанных принципов и норм международного права многие страны мира постепенно отказались от концепта смертной казни как наказания, которое противоречит гуманистическим ценностям и не выполняет функцию исправления осужденного. Подчеркивается, что Россия, будучи государством, вошедшим в Совет Европы и присоединившимся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, также стремится соблюдать фундаментальный принцип, запрещающий отнимать жизнь человека. Формально юридически это стремление выражается во введении посредством актов Конституционного Суда РФ временного моратория на применение смертной казни. Между тем доказывается, что такой инструментальный подход к урегулированию одной из самых сложных и актуальных проблем современности является неверным, поскольку окончательное легитимное решение об отмене смертной казни обязана принять законодательная ветвь государственной власти.

Ключевые слова: смертная казнь; исключительная мера наказания; мораторий; решения Конституционного Суда РФ; законодательная власть; общепризнанные принципы и нормы международного права.

---

* Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-03-00284).

A.V. Mal'ko

*Doctor of Law, Professor,
The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russian Federation*

V.A. Terehin

*Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,
Penza State University,
Penza, Russian Federation*

S.F. Afanas'ev

*Doctor of Law, Professor,
Saratov State Academy of Law,
Saratov, Russian Federation*

DEATH PENALTY IN RUSSIA: ISN'T IT TIME TO FINALLY DECIDE?

Abstract

The article studies death penalty issue in Russia. Death penalty has not been eliminated from Russian criminal law as an independent punishment prescribed by Court for especially grave crimes. The author presents how influenced by generally accepted international principles and rules major countries gradually abolished death penalty as punishment which goes contrary to humanist values and does not correct the convicted. The paper states that being a European Council member and adopting European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms – Russia also strives to comply with fundamental principle that prohibits killing people. This strive is formally manifested in death penalty temporary moratorium by Constitutional Court of the Russian Federation rules. However, the author proves that this approach to one of the most difficult and topical issues is wrong since final legitimist decision has to be made by the legislative power.

Key words: death penalty; capital punishment; moratorium; decisions of Constitutional Court of the Russian Federation; legislative power; generally accepted international principles and rules.

Сегодня проблема применения смертной казни как исключительной меры наказания за совершенные преступления активно обсуждается не только в России, но и практически во всех странах мира, в которых широкое распространение получила концепция гуманизма как мировоззренческой основы прав человека. Во второй половине XX в. гуманистическая идеология и методология формируют четкое представление о том, что указанные права нельзя рассматривать вне философской, социальной и культурной антропологической составляющей, которая позволяет, с одной стороны, осознать всю сложность физического и духовного бытия человека, а с другой – сформулировать мысль о границах и различных уровнях самоактуализации индивидов в обществе, поскольку такая актуализация может быть не только позитивной, но и конфликтной, открыто противопоставляющей себя морально-этическим, правовым установкам социальной среды. В рамках антропологического подхода взамен объектоцентризма,

рассматривающего человека в качестве объекта государственного управляющего воздействия, который наделяется неким набором прав и которого допустимо подвергать любым видам наказания за девиантное поведение, была выдвинута противоположная теза о субъектоцентризме.

Парадигма последнего заключается в том, что человек перестает пониматься и восприниматься как зависимая от государства константа, институциональные права ему не даруются и не делегируются свыше, но исходят от свободы личности и ее творческого потенциала [31, с. 15–17]. Это не означает, что человек может противопоставлять себя социуму, его правилам и порядку, ибо субъектоцентризм не приветствует радикальный индивидуализм и требует высокой степени осознания необходимости существования общественной организации и дисциплины. В противном случае субъект обязан претерпеть негативные правовые последствия вплоть до лишения свободы, но не жизни как самоценного социогуманитар-

ного, а не биологического неприкосновенного феномена, государственное влияние на который не распространяется. Именно так появляется фундаментальный принцип – государство не вправе отнимать жизнь [9, с. 2–3], отчасти воплощенный в Международном пакте о гражданских и политических свободах, который принят резолюцией ООН от 16 декабря 1966 г. Статья 6 международного договора гласит: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни. В странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления...».

В настоящее время, следуя означенному выше принципу, около 140 государств отменили смертную казнь (Франция, Чехия, Швеция и др.), признавая ее чрезмерно жестоким и диспропорциональным видом наказания, которое отрицает гуманистические ценности и достоинство человека; в иных – всего порядка 58 (США, Китай, Индия, Индонезия и др.) – она с той или иной степенью регулярности применяется на основе общих и специальных нормативных правовых актов за тяжкие преступления [30, с. 5]. Например, в Индии в 2013 г. принят закон, согласно которому судья назначает насильнику смертную казнь, если жертва насилия умирает [3]. Китайская Народная Республика, как подчеркивает В.Е. Квашиш, подписала Международный пакт о гражданских и политических свободах, но его не ратифицировала, не обращая внимания на постоянные призывы ООН и Совета Европы. «Как и в США, в КНР перспективы ограничения и тем более отмены смертной казни по-прежнему связывают лишь с кардинальным снижением преступности. При этом власти Китая мало волнуют либеральные рассуждения Запада о недопустимости применения смертной казни» [18, с. 19]. В Индонезии и Вьетнаме после истечения моратория, связанного с использованием смертной казни в виде высшей меры социальной защиты, исполнение судебных приговоров возобновилось. В результате, по данным авторитетной правозащитной организации Amnesty International, по сравнению с 2012 г. в 2013 г. количество смертных казней в мире выросло на 15 % и составило 778 (эта цифра не учитывает сведения по Китаю, который хранит их в строжайшей тайне). Нет сомнения в том, что в 2014 г. приведенный процент будет значительно превышен, ведь только

в марте этого года египетские суды приговорили к смертной казни 529 человек [1].

Европейские международные организации, содействующие сотрудничеству между различными государствами в области выработки и утверждения единых стандартов прав человека, проводят жесткую политику, направленную на полный запрет смертной казни. Прежде всего речь идет о Совете Европы – старейшей международной организации, членство в которой обусловлено подписанием и ратификацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, вступившей в силу 3 сентября 1953 г. Статья 2 Конвенции прямо провозглашает право на жизнь: никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. В этой связи Европейский Суд по правам человека, используя правомочие по системному и эволюционному толкованию норм международного договора, в собственных постановлениях красной линией проводит мысль о том, что ст. 2 Конвенции является основополагающей; она не только предписывает государству воздержаться от умышленного и незаконного лишения жизни, но также обязывает принять меры по защите жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией (в частности, постановление «Осман (Osman) против Соединенного Королевства» от 28 октября 1998 г.) [26, с. 102–103].

В чем же тогда причина соответствующей политики Совета Европы, если по смыслу конвенционных положений допускается умышленно лишать человека жизни во исполнение смертного приговора, вынесенного органами правосудия в установленном процессуальном порядке? Все дело в Протоколе № 6 к Европейской конвенции относительно отмены смертной казни, который подписан 28 апреля 1983 г. и открыт для ратификации странами – членами Совета Европы. Согласно ст. 1 Протокола смертная казнь отменяется даже по приговору суда, ее использование не воспрещается лишь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной военной угрозе. Позднее, 3 мая 2002 г., дополнительно подписан Протокол № 13, посредством которого введен полный запрет на смертную казнь, поскольку право каждого человека на жизнь есть незыблемая ценность в демократическом обществе, а от-

мена смертной казни – базовое условие защиты этого права и признания достоинства, присущего всем человеческим существам.

Абсолютное большинство стран, входящих в Совет Европы, подписали и ратифицировали данные протоколы, являющиеся неотъемлемой частью международного договора, но даже после этого проблема применения смертной казни не потеряла свою актуальность. К примеру, в Турции вслед за проведенным социологическим опросом, по итогам которого 98 % граждан высказались за смертную казнь, премьер-министр Р.Т. Эрдоган сделал заявление о начале дискуссии по этому вопросу. Однако партнеры по Совету Европы и ЕС напомнили представителям Турции о том, что государство ратифицировало надлежащие протоколы к Конвенции, и «если смертную казнь вернуть, то нестабильные отношения с ЕС будут приостановлены официально, поскольку для ЕС возвращение смертной казни будет означать серьезные и повторяющиеся нарушения прав человека» [25].

В законодательствах стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, определенное время сохранялись составы преступлений, в санкциях которых смертная казнь фигурировала как исключительная мера наказания в отношении совершеннолетних лиц. Более того, сразу после 1991 г. их число только росло. Так, смертной казнью карались биотерроризм, терроризм, использование оружия массового поражения, крупномасштабное производство наркотиков, торговля ими и др.

Но по мере присоединения стран бывшего СССР к различным международным договорам и вступления некоторых из них в Совет Европы они стали изменять собственное нормативное регулирование путем отмены смертной казни или введения моратория на ее применение [30, с. 5; 36, с. 2]. В конце 2013 г. в Латвии, которая начиная с 1996 г. воздерживалась от использования исключительной меры наказания, министры иностранных дел государств Совета Европы сделали совместное заявление, в котором среди прочего говорилось: «Справедливость, которая убивает, – это не справедливость. Будучи уверенными в бесчеловечности смертной казни, 42 страны возражают против ее применения во всем мире. Смертная казнь – это не только невыносимое оскорбление достоинства человека, но и бесчисленные нарушения прав осужденных и их

семей. К тому же смертная казнь не оказывает положительного влияния на предотвращение преступлений или безопасность, она никак не возмещает ущерб, нанесенный жертвам» [22].

Вполне понятно, что адресатом министерского воззвания прежде всего являлась Беларусь – единственная страна в Европе, где до сих пор практикуется смертная казнь, по поводу которой в 1996 г. проводился всенародный консультативный референдум. По официальной информации ЦИК Республики Беларусь, против отмены смертной казни высказались 80,44 % граждан от числа лиц, обладающих правом голоса [10]. Последний смертный приговор был приведен в исполнение в апреле 2014 г., ввиду чего спецдокладчик ООН по ситуации с правами человека в Белоруссии М. Харати призвал немедленно ввести мораторий на смертную казнь в стране [32]. В свою очередь, бывший судья Конституционного Суда Республики Беларусь М. Пастухов прокомментировал приговор так: «Государство не вправе распоряжаться гражданами как своими рабами. Жизнь человеку дается свыше, и никто не вправе ее отнимать даже у тех, кто совершил жуткие преступления. У нас есть второе исключительное наказание – пожизненное заключение, которое вполне может заменить расстрелы» [33].

В странах среднеазиатского региона (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Казахстан и др.) смертная казнь как самостоятельная мера карательного воздействия имеет место, но с начала 2000-х г. она повсеместно не применяется по причине введения отсрочки. Например, в Республике Казахстан это сделано указом президента от 17 декабря 2003 г. № 1251. Однако в среднеазиатских государственных образованиях все чаще стали задумываться над упразднением моратория: в проекте нового УК Казахстана заложено несколько норм, предусматривающих смертную казнь; в своем послании парламенту президент Таджикистана отметил, что «компетентные органы должны пересмотреть вопрос приостановления смертной казни» [5; 6]. Последнее вполне реально с учетом того, что названные страны не входят в Совет Европы, а потому добровольно не возлагали на себя исполнение директив Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а равно Протокола № 6. В этих странах смертная казнь рассматривается как эффективное и экономичное средство предупреждения преступлений, освобождающее общество от лиц, облада-

ющих повышенной общественной опасностью. Кроме того, такое наказание – цивилизованный способ замены кровной мести [40, с. 322].

В России на рубеже XX–XXI вв. достаточно прочно утвердилась идея субъектоцентризма, социокультурной и исторической ценности человека, его основополагающего и неотчуждаемого права на жизнь как категории, сочетающей в себе единичное и множественное, индивидуальное и общественное. Именно поэтому в Конституции РФ 1993 г. была создана легитимная основа для отмены в будущем высшей меры наказания. В силу ч. 2 ст. 20 Конституции РФ смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом (ст. 277, 295, 317 УК РФ) в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, т.е. конституционное положение о допустимости сохранения в национальном законодательстве этого уголовного наказания носит лишь временный и переходный характер [41, с. 304]. Несмотря на то что легитимного решения об исключении из отечественной правовой системы смертной казни правомочным органом государственной власти до сих пор не принято, фактически с середины 1996 г. в юридической практике она не применяется [8].

В правовой специализированной литературе последних лет о политико-юридических сложностях анализируемой темы написано достаточно много. Но еще раз обсудить отдельные дискуссионные аспекты проблематики заставляет знаковое с точки зрения понимания права и его применения Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р. В частности, в нем констатируется, что в России сложился общий конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимое движение, направленное на отмену смертной казни, а введение с 1 января 2010 г. на всей территории страны суда присяжных не открывает возможности ее применения.

Здесь следует вспомнить о том, что более десяти лет назад Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П был введен временный запрет на назначение органами правосудия высшей меры наказания, поскольку суды присяжных тогда действовали не во всех субъектах Российской Федерации. Лишь с 1 января 2010 г. данная форма судопро-

изводства внедрена на всей территории страны. Иначе говоря, смысловое и словесное совпадение содержания Определения Суда от 19 ноября 2009 г. позволяет со всей уверенностью заключить, что Конституционный Суд РФ не отменил, а еще раз продлил им же ранее объявленный мораторий на применение смертной казни.

Между тем председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин прокомментировал Определение совсем в другом духе – как окончательно отменившее смертную казнь. Он особо подчеркнул, что вынесен акт, «согласно которому смертная казнь в России отменена» [13–16]. Очерченную позицию разделила Т.Г. Морщакова, полагающая, что Российская Федерация связана международно-правовыми обязательствами, а потому не может применять высшую меру наказания. С принятием Определения Конституционного Суда РФ произошла правовая легализация ее отмены [29].

По нашему мнению, трудно согласиться с доктринальной интерпретацией В.Д. Зорькиным и Т.Г. Морщакковой Определения Конституционного Суда РФ как якобы бесповоротно отменившего высшую меру наказания; с его законностью и обоснованностью; а также с легитимностью прочих принятых решений, являющихся инструментами блокирования функционирующего законодательства, направленного на реализацию института смертной казни в России. Поясним суть изложенной нами точки зрения. Как уже отмечалось, в отечественной правоприменительной практике действующие *ex officio* нормы о смертной казни не реализуются. Если быть более точными, то с 1996 г. установлен первый по счету мораторий на исполнение приговоров судов, которыми осужденным назначена исключительная мера наказания. В этой связи А.С. Михлин подчеркивает, что в это время «Президент РФ принял принципиальное решение об отказе от смертной казни, и это наказание не приводилось в исполнение» [27, с. 114], о чем свидетельствует Указ от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы».

Вскоре после названного Указа, а именно 27 февраля 1997 г., Президентом РФ издается еще один подзаконный правовой акт – Распоряжение о подписании Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что и было сделано МИД РФ в апреле того же года. Затем в рамках установленных

процедур законопроект о ратификации Протокола № 6 направляется в Государственную Думу РФ, но нижняя палата парламента до сих пор его не рассмотрела и не ратифицировала. По всей видимости, депутаты, в отличие от служителей Фемиды, не желают принимать непопулярные решения, не хотят отягощать себя излишней социальной ответственностью перед избирателем. Вот уже более десяти лет депутатский корпус открыто уклоняется от выполнения своих непосредственных обязанностей по рассмотрению законопроекта, внесенного высшим должностным лицом государства, по причине чего Протокол № 6 для России юридической силы не имеет. С целью выхода из сложившейся ситуации начиная с 1997 г. Президент РФ активно пользовался правом помилования лиц, приговоренных к смертной казни, тем самым подменяя собой органы правосудия и корректируя судебную практику (только с января по май 1999 г. было помиловано 716 человек) [27, с. 113–115].

В ходе начавшегося в России эксперимента по поэтапному возрождению суда присяжных обнаружились существенные противоречия юридических норм при назначении судами смертной казни. Они-то и стали предметом изучения Конституционного Суда РФ, который, как уже нами отмечалось, принял Постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П, институционализировавшее второй по счету мораторий на применение этого вида наказания. Исходя из буквального смысла п. 5 резолютивной части Постановления суды временно лишались права назначать смертную казнь, закрепленную ст. 44 УК РФ.

Судьи Конституционного Суда РФ мотивировали свою правовую позицию тем, что ст. 20 Основного закона предусматривает возможность для лица, которому угрожает применение высшей меры наказания, просить о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, но такие суды в то время существовали только в девяти регионах России. Обвиняемые, совершившие преступления, за которые установлена смертная казнь, на территории этих девяти субъектов РФ при определении им меры наказания не должны ставиться в неравное положение с обвиняемыми в аналогичных преступлениях, совершенных на территориях, где суда присяжных нет. В таких условиях, как указывалось в Постановлении, применение впредь смертной казни исказило бы предназначение и существо права, гарантированного ч. 2 ст. 20

Конституции РФ и, кроме того, явилось бы существенным нарушением принципа равенства, зафиксированного в ст. 19 Конституции.

Как полагают некоторые авторы, принятое Конституционным Судом РФ решение с юридической точки зрения далеко не безупречно. Его законность вызывает сомнение, так как Конституционный Суд РФ вышел за пределы своих полномочий, предусмотренных ст. 125 Конституции РФ, вторгся в сферу компетенции законодателя и, по сути, создал новые нормы, содержание которых значимо расходится с положениями ст. 20 Конституции РФ. Проще говоря, Постановлением приостановлено действие ч. 2 ст. 20 Основного закона, без эффективной правовой защиты оставлено большое количество потенциальных потерпевших от особо тяжких преступлений [2, с. 363–364; 4, с. 34–35; 17, с. 146].

Известно, что институт присяжных заседателей повсеместно в стране вводился с 1 января 2010 г. Как следствие, с этого момента утрачивал свое действие установленный Конституционным Судом РФ мораторий на применение смертной казни. Отсюда, усмотрев перспективную юридическую неопределенность и упреждая гипотетическую противоречивость правоприменительной практики при назначении высшей меры наказания, Верховный Суд РФ обратился с запросом в Конституционный Суд РФ о разъяснении его позиции, изложенной ранее в Постановлении от 2 февраля 1999 г. Последний согласился с мотивацией поступившего запроса и своим Определением от 19 ноября 2009 г. пролонгировал им же сформулированный в 1999 г. мораторий. Упомянутое Определение также весьма спорно, оно не только порождает противоречие с конституционными нормами, но и не способно с формально-юридической точки зрения служить правовой преградой назначению органами правосудия смертной казни [4, с. 33; 12].

Принимая во внимание ключевые аспекты проблемы, поясним мысль подробнее. Во-первых, при вынесении разъяснительного акта Конституционный Суд РФ счел отправной точкой то, что Россией выражено намерение отменить смертную казнь, что послужило основанием для приглашения к участию в такой авторитетной международной организации, как Совет Европы. Наша страна подписала Протокол № 6, а отсутствие ратификации само по себе не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на

жизнь (п. 4.3 Определения). В этой аргументации взгляд концентрируется на уникальной по своей имманентной сущности новации Конституционного Суда РФ: отсутствие *ratificatio* Протокола № 6 не должно никого смущать, т.е. проект федерального закона стал существенным элементом правового регулирования. Отсюда трудно не солидаризоваться с метким замечанием В.М. Быкова – «это что-то совсем новое и удивительное в юриспруденции» [4, с. 36].

Ради справедливости, тем не менее, отметим, что в п. 6 обсуждаемого Определения совершенно верно указано: коль скоро Протокол № 6 не ратифицирован, «он как таковой не может рассматриваться в качестве нормативного правового акта, непосредственно отменяющего в Российской Федерации смертную казнь». Почему тогда Протокол № 6 может претендовать на получение статуса источника права и быть юридическим регулятором при принятии решения о временном приостановлении применения высшей меры наказания? Во всяком случае в такой двоякой судебной интерпретации Протокола № 6 сложно найти юридическую и логико-смысловую взаимосвязь: при отмене смертной казни и при запрете ее применения уполномоченные государственные органы обязаны руководствоваться официальными источниками права, и прежде всего Конституцией РФ. Во-вторых, конституционные судьи, сославшись на ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.), привели довод о том, что всякое государство, подписавшее международный документ (Протокол № 6), обязано воздерживаться от действий, противоречащих цели и объекту договора (п. 5 Определения). *Prima facie* это действительно так, но только при первом приближении. Более убедительна точка зрения О.П. Сауляка. Он полагает, что системная интерпретация подписанного и не ратифицированного Протокола № 6, а также ст. 18 Венской конвенции не есть юридическая основа недопустимости смертной казни. «Никакие международные договоры, в том числе и прошедшие процедуру ратификации, не могут иметь приоритета перед нормами самой Конституции. Иная позиция, – указывает автор, – означала бы посприятие идеи государственного суверенитета современной России» [39]. Как видим, здесь еще раз проявился давний спор о месте международных договоров в иерархии правовых актов, в котором Постановлением Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г.

№ 27-П фактически поставлена точка. По его смыслу директивы Конституции РФ, имеющие высшую юридическую силу и прямое действие, приоритетны по сравнению с положениями международных договоров. Следовательно, если ст. 20 Основного закона нормативно закрепляет возможность применения смертной казни, то низшее по статусу международно-правовое предписание не может ее отменить либо нивелировать.

В-третьих, Конституционный Суд РФ при вынесении решения руководствовался сформировавшимися правовыми реалиями, обусловленными устойчивой тенденцией международного нормотворчества к отмене смертной казни и правоприменительной практикой – длительным комплексным мораторием в России. Вследствие этого, по его мнению, сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни, сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни (пп. 4.1, 7 Определения).

Думается, предикат Конституционного Суда РФ относительно «легитимно сложившейся правоприменительной практики» не обладает особым логико-юридическим значением, как таковой он не подлежит учету, ибо подобную практику нельзя формально легализовать, т.е. распознать в ней позитивную социальную традицию, как устойчивое, добровольно установленное членами социума правило поведения, как составляющую правового обычая. Вне всякого сомнения, мораторий вводился властью «сверху», без необходимых для этого предпосылок и результатов опроса общественного мнения [24, с. 114–115]. По последним и широко известным социологическим данным, 63 % россиян выступают за возвращение смертной казни, а 84 % – за отмену моратория на нее [8]. Стало быть, режим, сложившийся *de facto*, к тому же имеющий небезукоризненные основания, вряд ли допустимо называть конституционно-правовым.

В-четвертых, в силу ст. 83 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» он вправе давать официальное разъяснение вынесенного им решения только в пределах его содержания. Даже беглый анализ Постановления от 2 февраля 1999 г. бесспорно доказывает, что предметом рассмотре-

ния конституционных судей являлись исключительно коллизии правовых норм назначения смертной казни судом присяжных заседателей. Поэтому нужно согласиться с особым мнением судьи Ю.Д. Рудкина о том, что вопросы международных обязательств России не должны приниматься во внимание, поскольку они не были предметом исследования и оценки Конституционного Суда РФ в 1999 г. Исходя из смысловой нагрузки закона Конституционному Суду РФ следовало бы отказать в рассмотрении запроса Верховного Суда РФ [35; 37].

Однако ходатайство о разъяснении Постановления Конституционного Суда РФ рассмотрено по существу с вынесением Определения, которое окончательно и обжалованию не подлежит. И сейчас не только в теории, но и в официальном правовом акте Конституционного Суда РФ заложены, как нам представляется, идеи «живой конституции», «не формальной правовой системы» В.Д. Зорькина и «высшего права» Т.Г. Морщаковой [14; 15; 28]. Как верно замечает Т.Г. Морщакова, Конституционным Судом РФ в принятом Определении был использован не законодательный, а иной, конкурирующий с ним способ отмены смертной казни [29, с. 185–187]. Последнее с высоты воззрений политико-правовой доктрины разделения различных ветвей государственной власти весьма спорно. Никто не может перейти установленные границы конституционно-правовой юрисдикции. Никто не имеет права ни под каким, пусть даже самым добродетельным, предлогом вмешиваться в прерогативы и полномочия другой ветви власти.

Пока же приходится констатировать, что по большому счету в Российской Федерации точка в споре о том, быть или не быть в нашей стране смертной казни, легальным способом еще не поставлена. Девиз «ни отмены, ни применения» не может сколь угодно долго сохраняться, он губителен для регулятивной функции права [20, с. 100]. Все это неизбежно порождает дискуссии – от научных до откровенно спекулятивных – на эту тему с учетом политической и ситуационно-оценочной коннотации [19]. Так, на фоне украинских событий Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) поставила вопрос о полномочиях российской делегации в данной организации. В ответ на это член комитета по международным делам Совета Федерации И. Морозов заявил, что в случае выхода России из ПАСЕ в стране может быть отменен

мораторий на смертную казнь. Комментируя эту ситуацию, Ф. Лукьянов пишет: «Пока реально речь о выходе из Совета Европы и соответственно отказе от обязательств, включая мораторий на смертную казнь, не идет... но такого крупного идеологического противостояния не было со времен вступления России в Совет Европы» [37]. В свою очередь, Министерство юстиции РФ поспешило заверить международных партнеров, что наша страна приняла на себя международные обязательства, не позволяющие возвращать смертную казнь [21].

Итак, отметим: несомненно, у смертной казни нет другой конституционно-правовой перспективы, как ее изъятие из действующего отечественного законодательства. Отмена высшей меры наказания – это неизбежный процесс, обусловленный пока, правда, не столько внутренними, сколько внешними факторами – международными обязательствами Российской Федерации. Несмотря на доктринальное толкование некоторыми исследователями Определения Конституционного Суда РФ как однозначно отменившего смертную казнь, это явное преувеличение. Сейчас у судов нет юридических барьеров для ее неприменения, а для окончательного разрешения проблемы нужен легитимный подход. Ряд авторов усматривают его в проведении всенародного референдума, с тем чтобы большинство россиян определило дальнейшую судьбу смертной казни в России [11]. Гипотетически такая возможность есть. Однако преамбула к Федеральному конституционному закону от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» гласит, что референдум как инструмент выявления волеизъявления народа не может быть использован в целях принятия документов, противоречащих Конституции РФ, а также ограничения, отмены или умаления общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, конституционных гарантий реализации таких прав и свобод. Отдавая себе в этом отчет, Президент РФ В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что государство не должно присваивать себе право лишать человека жизни [23]. Стало быть, с учетом того, что в Государственной Думе РФ имеется множество разновекторных законопроектов, посвященных соответствующей тематике, в ближайшее время необходимо принять законный правовой акт, который бы снял с повестки дня постоянно будируемый вопрос о применении в России смертной казни [7; 34].

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Amnesty International: в 2013 г. число смертных казней в мире выросло на 15 % [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.newsru.com/world/27mar2014/amnesty.html.
2. Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права / М.И. Байтин. – Саратов, 2006.
3. Берсенева А. Индийских насильников ведут на смерть / А. Берсенева // Газета.ru. – 2013. – 20 марта.
4. Быков В.М. Имел ли право Конституционный Суд РФ приостанавливать действие Конституции РФ? / В.М. Быков // Российский судья. – 2010. – № 3. – С. 33–37.
5. Быть или не быть смертной казни в Таджикистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pressa.tj/news/byt-ili-ne-byt-smertnoy-kazni-v-tadzhikistane>.
6. В Казахстане снова ввели смертную казнь за покушение на жизнь первого президента страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.uralskweek.kz/2014/01/23/v-kazaxstane-snova-vveli-smertnuyu-kazn-za-pokushenie-na-zhizn-pervogo-prezidenta-strany.
7. Выжutowич В. Над мораторием нависла гильотина / В. Выжutowич // Российская газета. – 2004. – 18 апр.
8. Выжutowич В. Уроки пунктуации / В. Выжutowич // Российская газета. – 2009. – 11 сент.
9. Габитов Т.Х. Этика юриста / Т.Х. Габитов. – Алматы, 2006.
10. Десять фактов о смертной казни в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: spring96.org/ru/news/59198.
11. Дмитренко А. К вопросу об исключении смертной казни из Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: zakon.ru/blogs/k_voprosu_ob_isklyuchenii_smertnoj_kazni_iz_ugolovnogo_kodeksa_rf/2479.
12. Дмитриев Ю. Казнить нельзя помиловать: проблема запятой / Ю. Дмитриев // Эж-Юрист. – 2009. – № 48.
13. Зорькин В.Д. Повторение пройденного / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2009. – 11 дек.
14. Зорькин В.Д. Право – для человека / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2008. – 25 нояб.
15. Зорькин В.Д. Право эпохи модерна / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2010. – 25 июня.
16. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI в. / В.Д. Зорькин. – М., 2008.
17. Кашепов В.П. Правовой режим смертной казни как исключительной меры уголовного наказания / В.П. Кашепов // Право на смертную казнь : сб. ст. / под ред. А.В. Малько. – М., 2004. – С. 138–147.
18. Квашиш В.Е. Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы / В.Е. Квашиш. – М., 2008.
19. Козлова Н. Приглашение на казнь: Россия может снять мораторий на смертную казнь / Н. Козлова // Российская газета. – 2014. – 7 апр.
20. Коробеев А.И. Смертная казнь как вид уголовного наказания в России: быть или не быть? / А.И. Коробеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 96–103.
21. Куликов В. Казнь вне закона: Минюст пояснил, что «высшую меру наказания» в России не возвратят / В. Куликов // Российская газета. – 2014. – 8 апр.
22. Латвия призвала весь мир отменить смертную казнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.grani.lv/latvia/38466-latviya-prizvala-ves-mir-otmenit-smertnuyu-kazn.html.
23. Малышкина И. Владимир Путин: после Белгорода я задумался о моратории на смертную казнь / И. Малышкина // Комсомольская правда. – 2013. – 25 апр.
24. Малько А.В. Теория правовой политики / А.В. Малько. – М., 2012.
25. Мехмет Озджан. Вернется ли смертная казнь в Турцию [Электронный ресурс] / Мехмет Озджан. – Режим доступа: www.inosmi.ru/world/20121115/202187466.html.
26. Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод / Микеле де Сальвиа. – СПб., 2004.
27. Михлин А.С. Высшая мера наказания. История, современность, будущее / А.С. Михлин. – М., 2000.
28. Морщакова Т.Г. И суда нет. Диагноз доктора Морщаковой / Т.Г. Морщакова // Новая газета. – 2004. – 19 июля.
29. Морщакова Т.Г. Правовая легализация отмены смертной казни в России / Т.Г. Морщакова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 1. – С. 185–187.
30. Назарова Ф. На пути к отмене смертной казни – опыт СНГ и Европейского Союза / Ф. Назарова. – Душанбе, 2010.
31. Новичков В.Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук / В.Е. Новичков. – М., 2005.
32. ООН призвала Белоруссию немедленно ввести мораторий на смертную казнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.km.ru/world/2014/04/25/organizatsiya-obedinennykh-natsii-onn/738423-onn-potrebovala-ot-belorusii-nemedlen.
33. Пастухов М. Боятся ли преступники расстрела? [Электронный ресурс] / М. Пастухов. – Режим доступа: http://zautra.by/art.php?sn_nid=14690&sn_cat=6.
34. Пирогов И. Гражданин Владимир Колокольцев одобрил смертную казнь / И. Пирогов // Коммерсант. – 2013. – 10 февр.
35. Редакционная. Особое мнение о смертной казни // Эж-Юрист. – 2009. – № 47.
36. Романов С. Смертная казнь: изучение общественного мнения в Республике Таджикистан / С. Романов. – Душанбе, 2010.
37. Рудкин Ю. Конституционный Суд не должен был рассматривать вопрос о смертной казни / Ю. Рудкин // РИА «Новости». – 2009. – 24 нояб.

38. Самарина А. Вернем смертную казнь назло Европе / А. Самарина // Независимая газета. – 2014. – 7 апр.
39. Сауляк О.П. Обязана ли Россия отменить смертную казнь: конституционные и международно-правовые аспекты проблемы / О.П. Сауляк // Мировой судья. – 2010. – № 5. – С. 11–13.
40. Сверчков В.В. Смертная казнь: закономерное правовое средство достижения целей наказания или неоправданная жестокость? / В.В. Сверчков // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Н. Новгород, 2013.
41. Терехин В.А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика / В.А. Терехин. – М., 2013.

REFERENCES

1. Amnesty International: death penalty number increased 15 %. [Amnesty International: v 2013 g. chislo smertnyh kaznej v mire vyroslo na 15 %]. Available at: www.newsru.com/world/27mar2014/amnesty.html.
2. Bajtin M.I. General theory of law and state issues. [Bajtin M.I. Voprosy obshhej teorii gosudarstva i prava]. Saratov, 2006, pp. 363–364.
3. Berseneva A. Indian rapists to be executed. [Berseneva A. Indijskih nasil'nikov vedut na smert']. Gazeta.ru, 2013, 20th March.
4. Bykov V.M. Was Constitutional Court of the Russian Federation empowered to suspend the Constitution of the Russian Federation? [Bykov V.M. Imel li pravo Konstitucionnyj Sud RF priostanavlivat' dejstvie Konstitucii RF?]. *Rossijskij sud'ja*, 2010, no. 3, p. 33.
5. Capital punishment in Tajikistan: to be or not to be. [Byt' ili ne byt' smertnoj kazni v Tadzhikestane]. Available at: <http://www.pressa.tj/news/byt-ili-ne-byt-smertnoj-kazni-v-tadzhikestane>.
6. Capital punishment is again instituted in the Republic of Kazakhstan for attempt on the life of the 1st President. [V Kazahstane snova vveli smertnuju kazn' za pokushenie na zhizn' pervogo prezidenta strany]. Available at: www.ural-skweek.kz/2014/01/23/v-kazahstane-snova-vveli-smertnuju-kazn-za-pokushenie-na-zhizn-pervogo-prezidenta-strany.
7. Vyzhutovich V. Moratorium is in danger. [Vyzhutovich V. Nad moratoriem navisla gil'otina]. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2004, 18 Apr.
8. Vyzhutovich V. Punctuation lessons. [Vyzhutovich V. Uroki punktuacii]. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2009, 11 Sept.
9. Gabitov T.H. Ethics of a Jurist. [Gabitov T.H. Jetika jurista]. Almaty, 2006, pp. 2–3.
10. 10 facts on death penalty in Belorussia [Desjat' faktov o smertnoj kazni v Belarusi]. Available at: spring96.org/ru/news/59198.
11. Dmitrenko A. On Death penalty elimination from the Criminal Code of the Russian Federation. [Dmitrenko A. K voprosu ob iskljuchenii smertnoj kazni iz Ugolovnog kodeksa RF]. Available at: zakon.ru/blogs/k_voprosu_ob_iskljuchenii_smertnoj_kazni_iz_ugolovnog_kodeksa_rf/2479.
12. Dmitriev Ju. Pardon impossible to execute: comma problem. [Dmitriev Ju. Kaznit' nel'zja pomilovat': problema zapjatoj]. *Jezh-Jurist – Lawyer*, 2009, no. 48.
13. Zor'kin V.D. Revision. [Zor'kin V.D. Povtorenie projdennogo]. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2009, 11 Dec.
14. Zor'kin V.D. Law – for people. [Zor'kin V.D. Pravo – dlja cheloveka]. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2008, 25 Nov.
15. Zor'kin V.D. Modern era law. [Zor'kin V.D. Pravo jepohi moderna]. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2010, 25 June.
16. Zor'kin V.D. Russia and Constitution in the XXI Century. [Zor'kin V.D. Rossiya i Konstitucija v XXI v.]. Moscow, 2008.
17. Kashepov V.P. Death penalty legal status as criminal punishment. Right for death penalty. Collected papers. Edited by A.V. Mal'ko. [Kashepov V.P. Pravovoj rezhim smertnoj kazni kak iskljuchitel'noj mery ugolovnog nakazaniya. Pravo na smertnuju kazn': sb. nauch. st. / Pod red. A.V. Mal'ko]. Moscow, 2004, p. 146.
18. Kvashis V.E. Death penalty: world trends, problems and prospects. [Kvashis V.E. Smertnaja kazn': mirovyje tendencii, problemy i perspektivy]. Moscow, 2008, p. 19.
19. Kozlova N. Execution invitation. Russia can not cancel moratorium on capital punishment. [Kozlova N. Priglasenie na kazn': Rossiya mozhet snjat' moratorij na smertnuju kazn']. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2014, 7 Apr.
20. Korobeev A.I. Capital punishment as criminal punishment: to be or not to be? [Korobeev A.I. Smertnaja kazn' kak vid ugolovnog nakazaniya v Rossii: byt' ili ne byt'?]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2012, no. 4, p. 100.
21. Kulikov V. Capital punishment is beyond the law: Ministry of Justice states that Capital punishment won't come back to Russia. [Kulikov V. Kazn' vne zakona: Minjust pojasnil, chto «vysshuju meru nakazaniya» v Rossii ne vozvratjat]. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2014, 8 Apr.
22. Latvia appeals for death penalty abolition. [Latviya prizvala ves' mir otmenit' smertnuju kazn']. Available at: www.grani.lv/latvia/38466-latviya-prizvala-ves-mir-otmenit-smertnuju-kazn.html.
23. Malysheva I. Politics in Russia. Vladimir Putin: I started considering moratorium on capital punishment after Belgorod. [Malysheva I. Politika: v Rossii. Vladimir Putin: posle Belgoroda ja zadumalsja o moratorii na smertnuju kazn']. *Komsomol'skaja pravda – Komsomol Truth*, 2013, 25 Apr.

24. Mal'ko A.V. Legal policy theory. [Mal'ko A.V. Teorija pravovoj politiki]. Moscow, 2012, pp. 114–115.
25. Mehmet Ozcan. Will capital punishment come back to Turkey. [Mehmet Ozdzhn. Vernetsja li smertnaja kazn' v Turciju]. Available at: www.inosmi.ru/world/20121115/202187466.html.
26. De Sal'via M. European Court of Human Rights' examples. Court practice guidelines related to European Convention on Human Rights. [De Sal'via M. Precedenty Evropejskogo Suda po pravam cheloveka]. Saint-Petersburg, 2004, pp. 102–103.
27. Mihlin A.S. Capital punishment: history, modern times, future. [Mihlin A.S. Vysshaja mera nakazaniya. Istorija, sovremennost', budushhee]. Moscow, 2000, p. 114.
28. Morshhakova T.G. No judgement. Doctor Morshhakova T.G. diagnosis. [Morshhakova T.G. I suda net. Diagnostika doktora Morshhakovo]. *Novaja gazeta – New newspaper*, 2004, 19 July.
29. Morshhakova T.G. Death penalty abolition legalization in Russia. [Morshhakova T.G. Pravovaja legalizacija otmeny smertnoj kazni v Rossii]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative constitutional review*, 2010, no. 1, pp. 185–187.
30. Nazarova F. On the way to death penalty abolition. The CIS and EU experience. [Nazarova F. Na puti k otmene smertnoj kazni – opyt SNG i Evropejskogo Sojuza]. Dushanbe, 2010, p. 5.
31. Novichkov V.E. Crime fighting forecasting in Russia. Dissertation. [Novichkov V.E. Prognozirovanie v sfere bor'by s prestupnost'ju v sovremennoj Rossii: dis. ... dokt. jurid. nauk]. Moscow, 2005, pp. 15–17.
32. The UN appeals for moratorium on capital punishment in Belorussia. [OON prizvala Belorussiju nemedlenno vvesti moratorij na smertnuju kazn'] Available at: www.km.ru/world/2014/04/25/organizatsiya-obedinennykh-natsii-on/738423-on-potrebovala-ot-belorussii-nemedlen.
33. Pastuhov M. Are offenders afraid of execution? [Pastuhov M. Bojatsja li prestupniki rasstrela?]. Available at: http://zautra.by/art.php?sn_nid=14690&sn_cat=6.
34. Pirogov I. Vladimir Kolokol'cev citizen approved of death penalty. [Pirogov I. Grazhdanin Vladimir Kolokol'cev odobril smertnuju kazn']. *Kommersan*, 2013, 10 Febr.
35. Editorial. Special opinion on death penalty. [Redakcionnaja. Osoboe mnenie o smertnoj kazni]. *Jezh-Jurist*, 2009, no. 47.
36. Romanov S. Death penalty: survey in the Republic of Tajikistan. [Romanov S. Smertnaja kazn': izuchenie obshchestvennogo mnenija v respublike Tadjikistan]. Dushanbe, 2010, p. 2.
37. Rudkin Ju. Constitutional Court shouldn't have reviewed the death penalty case. [Rudkin Ju. Konstitucionnyj Sud ne dolzhen byl rassmatrivat' vopros o smertnoj kazni]. *RIA «Novosti» – Russian Information Agency*, 2009, 24th Nov.
38. Samarina A. Bring death penalty back for spite of Europe. [Samarina A. Vernem smertnuju kazn' nazlo Evrope]. *Nezavisimaja gazeta – Independent newspaper*, 2014, 7th Apr.
39. Sauljak O.P. Does Russia have to abolish death penalty: constitutional and international legal aspects of the problem. [Sauljak O.P. Objazana li Rossija otmennit' smertnuju kazn': konstitucionnye i mezhdunarodno-pravovye aspekty problemy]. *Mirovoj sud'ja – Justice of the Peace*, 2010, no. 5, pp. 11–13.
40. Sverchkov V.V. Death penalty: a reasonable legal means towards this end or an unjustifiable cruelty? International academic and research conference collected papers. [Sverchkov V.V. Smertnaja kazn': zakonomernoe pravovoe sredstvo dostizhenija celej nakazaniya ili neopravdannaja zhestokost'? Gosudarstvenno-pravovye zakonovernosti: teorija, praktika, tehnika: sb. nauch. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.]. Nizhny Novgorod, 2013, p. 322.
41. Terehin V.A. Court in terms of human rights and freedoms ensurance by means of state legal mechanism: theory and practice. [Terehin V.A. Sud v gosudarstvenno-pravovom mehanizme obespechenija prav i svobod cheloveka: teorija i praktika]. Moscow, 2013, p. 304.

Сведения об авторах

Малько Александр Васильевич – директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, г. Саратов, Российская Федерация; e-mail: igp@sgap.ru.

Терехин Виктор Александрович – заведующий кафедрой правосудия Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ, г. Пенза, Российская Федерация; e-mail: pravosudiepenza@mail.ru.

Афанасьев Сергей Федорович – профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, г. Саратов, Российская Федерация; e-mail: af.73@mail.ru.

Information about authors

Mal'ko Aleksandr Vasil'evich – Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation; e-mail: igp@sgap.ru.

Terehin Viktor Aleksandrovich – Head of Department of Justice of Penza State University, Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Honored jurist of the Russian Federation, Penza, Russian Federation; e-mail: pravosudiepenza@mail.ru.

Afanas'ev Sergej Fedorovich – Professor of Civil process Department of Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Saratov, Russian Federation; e-mail: af.73@mail.ru.